

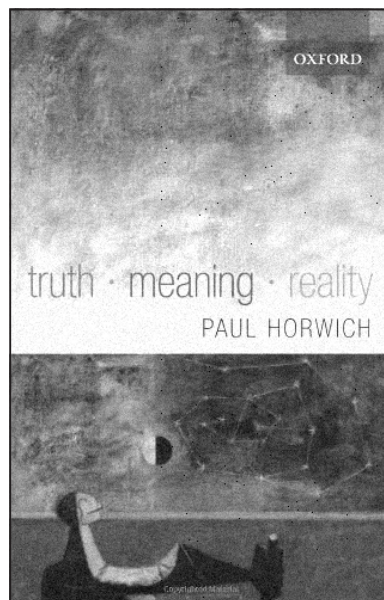
М **МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ПУСТОТА, РОЖДАЮЩАЯ МНОГООБРАЗИЕ**

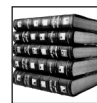
(Рецензия на книгу: *Хорвич П.* Истина–Значение–Реальность
(*Horwich P.* Truth–Meaning–Reality. Oxford, 2010))

Л.Д. ЛАМБЕРОВ

Книга «Истина–Значение–Реальность» знаменитого своей минималистской версией дефляционной теории истины профессора Нью-Йоркского университета Пола Хорвича представляет собой сборник статей, написанных им за

последние 5 лет. Всего книга содержит 14 статей, некоторые из них переизданы без изменений, другие с изменениями, а некоторые претерпели довольно существенные исправления. Все статьи посвящены рассмотрению понятий истины, значения, знания и реальности и исследованию связей между этими понятиями. Названия статей следующие (некоторые статьи помещены в данный сборник под новыми или слегка измененными названиями): (1) «Что есть истина?»; (2) «Варианты дефляционизма»; (3) «Защита минимализма»; (4) «Ценность истины»; (5) «Минималистская критика Тарского»; (6) «Крипкевский парадокс значения»; (7) «Регулярности, правила, значения, условия истинности и эпистемические нормы»; (8) «Семантика: что в ней должна делать истина»; (9) «Мотивировочная сила оценочных понятий»; (10) «Беспочвенное основание»; (11) «Природа парадокса»; (12) «Мир без “измов”»; (13) «Поиск реально-

сти»; (14) «Бытие и истина». Статьи можно условно поделить на четыре раздела, посвященные истине, значению, знанию и общим метафизическим проблемам связи этих понятий. Несмотря на то что книга состоит из статей, выпущенных ранее по отдельности, они расположены в соответствии с определенным планом. Вначале Хорвич разъясняет свой взгляд на понятие истины (минимализм), а затем последовательно применяет его для (а) объяснения понятия лингвистического значения, (б) объяснения понятий знания и обоснования (в своем кратком обзоре я, правда, не буду останавливаться на этом моменте), (с) установления связи между этими понятиями для разрешения спора реализм/антиреализм.

Коротко говоря¹, тот взгляд на понятие истины, который развивается П. Хорвичем в рассматриваемой книге², является разновидностью дефляционизма. Дефляционизм представляет собой попытку освободить рассуждения о понятии истины от ненужного метафизического налета. В частности, общим тезисом, разделяемым всеми дефляционистами, является утверждение, что понятие истины не является субстанционально нагруженным, что у истины нет какой-либо скрытой, «подлежащей» («лежащей под поверхностью») природы. В этом смысле дефляционные теории истины противопоставляются традиционным (их называют субстанциалистскими или

инфляционными) теориями истины. Согласно любой традиционной теории истины, у носителей истинности с одинаковыми истинностными значениями имеется некоторая общая черта, общее свойство (например, соответствие действительности или когеренция с принимаемым набором убеждений). Таким образом, с точки зрения сторонников традиционного подхода к понятию истины задачей теории истины является обнаружение и объяснение этого общего свойства. В свою очередь дефляционисты отрицают, что у понятия истины имеется такая общая (метафизическая) природа. С точки зрения дефляционистов понятие истины служит лишь определенным эмоциональным и/или логико-лингвистическим целям. Так, П. Стросон в своих ранних работах утверждает, что использование истинностного предиката в речи указывает лишь на согласие говорящего с предложением, о котором идет речь, а У. Куайн в своей «Философии логики» указывает, что истинностный предикат необходим для получения обобщений, которые нельзя было бы сформулировать без его использования. Дефляционные теории истины начали развиваться и обсуждаться сравнительно недавно, хотя близкие идеи можно найти, например, еще у Г. Фреге.

Особенность теории истины П. Хорвича (он называет ее «минимальной» теорией истины, или «минимализмом») состоит в том, что первичными носителями ис-

¹ К сожалению, из-за требований краткости в обзоре лишь в общих чертах обозначена философская концепция П. Хорвича без анализа его аргументации.

² Более подробно свою точку зрения на понятие истины П. Хорвич излагает в своей книге «Истина», выдержавшей два издания в 1990 и 1998 гг.

тинности признаются пропозиции (абстрактные неизменные сущности, служащие «объективными» значениями предложений и объектами пропозициональных установок), а наше понимание и использование понятия истины целиком и полностью определяется тем, что мы принимаем утверждения вида «Пропозиция, что снег бел, истинна» и «Снег бел» в качестве эквивалентных. Объем понятия истины, согласно Хорвичу, конституируется всеми корректными случаями подстановки в слегка модифицированную схему эквивалентности А. Тарского:

Пропозиция, что p , истинна тогда и только тогда, когда p .

По мнению П. Хорвича, никаких превосходящих это объяснение рассуждений не требуется, а понятие истины имплицитно определено подстановками в эту схему. Свою теорию истины Хорвич называет минимальной по той причине, что он стремится избавиться ее от каких-либо лишних понятий. С его точки зрения, теория истины не должна содержать в себе какие-либо части логики, теории референции или значения, теории психологических состояний и т.д.

Если не вдаваться в технические детали и рассмотрение критических замечаний по отношению к Хорвичу, которых было высказано немало (фактически минимализм является сегодня одной из парадигмальных дефляционных теорий; если обсуждают дефляционизм, то обязательно рассматривают, в

частности, его минималистский вариант), то такая теория истины, по мнению ее автора, позволяет формулировать косвенные утверждения и обобщения, которые (если бы не было понятия истины) требовали бы включения в структуру языка технически сложного аппарата подстановочной квантификации. Например, если бы не было понятия истины и мы использовали обычную объектную квантификацию, то бесконечную конъюнкцию «Если Мао сказал, что трава зеленая, то трава зеленая, & если Мао сказал, что снег белый, то снег белый, &...» мы не могли бы обобщить до «Все, что сказал Мао, истинно». Таким образом, понятие истины предстает в качестве удобного логико-лингвистического инструмента, значительно упрощающего наш язык и нашу речь.

Итак, после того как понятие истины избавлено от метафизических надстроек (в частности, и от утверждения, что истина имеет нормативный, ценностный характер), ее, по мнению автора рассматриваемой книги, можно использовать для объяснения понятия значения³ (а более широко – для объяснения интенциональности). Понятие истины используется в рассуждениях о значении потому, что зачастую принимаются весьма распространенные философские интуиции о том, что мы понимаем повествовательное предложение (т.е. знаем его значение) в том случае, если можем указать условия истинности этого предложения, а значение предиката определяет его объем (т.е. множество тех объ-

³ Подробно свою концепцию значения Хорвич представляет в книгах «Значение» (1998) и «Рассуждения о значении» (2005).

ектов, относительно которых этот предикат истинен). Применяя к этим интуициям минималистское определение истины, Хорвич обнаруживает, что понятие значения, если к нему подходить с традиционных позиций, окружено рядом псевдоограничений, т.е. таких ограничений, которые возникают случайно и лишь из-за применения традиционного определения истины. Если минималистская теория истины верна, то это означает, что понятие значения не является реляционным (т.е. значение не является отношением между языковым выражением и тем, что это выражение обозначает), репрезентативным (значение не репрезентирует реальность), нормативным (значение не несет само по себе нормативной нагрузки) и т.д. В результате применения минималистской теории истины к рассуждениям о лингвистическом значении оказывается, что значения являются субстантивными, натуралистическими и каузально действенными свойствами, редуцируемыми к другим несемантическим свойствам (а именно, к употреблению). Таким образом, минимализм может быть использован для обоснования одной из разновидностей теории значения как употребления, согласно которой значение слова определяется типичными паттернами его употребления, а не ассоциированием его с некоторой частью реальности. В действительности последнее приводит Хорвича к ряду интересных заключений. Так, автор указывает на то, что (в противоположность скептической позиции С. Крипке) факты о значении должны существовать, что они могут быть фактами корреляции субъектных диспози-

ций к употреблению языковых выражений, что в рамках семантики нельзя объяснить отношение следования между предложениями указанием на истинностные значения этих предложений, что объяснение композиционности не является (как это традиционно считается) такой уж сложной проблемой, что при исследовании семантики (в особенности занимаясь эмпирической семантикой) и изучении понятия значения понятие истины не должно играть центральную роль, что семантика не должна быть теоретико-истинностной.

В конечном счете такая точка зрения позволяет Хорвичу развить точку зрения, противоположную всякой метафизике и сходную с идеей позднего Витгенштейна о терапевтической сущности философии. Во-первых, так как объем понятия истины определяется *всеми* корректными подстановками в схему эквивалентности и так как в числе этих подстановок оказываются не только утверждения о физических объектах (как достаточно публичных и несомненных сущностях), но и об этических и эстетических ценностях («Убивать плохо», «Эта картина прекрасна») и т.д., то должны ли мы признать, что существуют этические и эстетические факты? Во-вторых, если утверждения, которые мы делаем, включают утверждения о «странных» объектах (те же ценности, которые должны, как кажется, обладать другим статусом существования, нежели физические объекты), то означает ли это, что они либо истинны, либо ложны, или же они вообще бессмысленны, так как фактов и этих «странных» объектов на самом деле нет? Сам Хорвич затрудняет-

ся⁴ четко обозначить свою позицию, он готов принять термин «прагматизм» с некоторыми оговорками и принимает термин К. Райта «бескровный квиетизм» (от англ. quiet – тихий, спокойный), среди прочего обозначающий религиозное течение в рамках католицизма.

Точка зрения квиетизма Хорвича состоит в том, что поскольку (1) понятие истины метафизически пусто; (2) значение предложения есть его употребление, а не его ассоциация с тем, что признается в качестве реального; (3) мы живем среди множества ассерторических языковых игр, то сам проект описания реальности бессмыслен. Нельзя определить, какие утверждения соответствуют реальным фактам, а какие – только дефляционным фактам, где последние предполагают не реальное существование, а лишь принятие той или иной языковой игры. Ни физические утверждения, ни этические, ни какие-либо еще никак с реальностью не связаны, значение, как уже было указано, не репрезентирует действительность, не связывает язык и то,

о чем на нем, как нам кажется, мы говорим. С этой, можно сказать, метафилософской точки зрения сам спор о реализме/антиреализме, холизме/редукционизме и т.д. оказывается сплошной ошибкой. По сути это терапевтический подход к философии в духе позднего Витгенштейна.

Таким образом, книга «Истина–Значение–Реальность» представляет собой последовательное применение дефляционизма к ряду центральных философских проблем, порождающее (точнее, обновляющее) особую метафилософскую точку зрения. В этой книге Хорвич впервые целостно представляет свои философские идеи в их взаимосвязи и целостности. Данная работа не содержит, правда, каких-либо существенно новых взглядов или аргументов, которые не были бы в той или иной форме представлены в предыдущих книгах и статьях автора. Тем не менее она является лучшим на сегодняшний день источником, представляющим один из вариантов дефляционизма в его целостности.

⁴ В действительности П. Хорвич оговаривает, что квиетизм принимается им не по отношению ко всем философским спорам и теориям и что более подробно он разовьет эту точку зрения в своей готовящейся к выходу книге «Метафилософия Витгенштейна».